

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Гуманитарно-педагогический институт

(наименование института полностью)

Кафедра «История и философия»

(наименование)

46.03.01 История

(код и наименование направления подготовки / специальности)

Историко-культурный туризм

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Взаимоотношения Русской православной церкви и государственной власти в 1917-1929 гг. (на материалах Петрограда-Ленинграда)»

Обучающийся

И.А. Иванов

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

к.и.н., доцент С.А. Обухович

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2024

Аннотация

Эта исследовательская работа посвящена эпохе драматических перемен в России, она освещает сложные отношения между советским правительством и Русской православной церковью в период с 1917 по 1929 годы в Петрограде-Ленинграде.

Первая глава описывает начало конфликта между советской властью и церковью, с акцентом на внедрение Декрета от 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в Петрограде. Описывается реакция горожан на закрытие храмов и методы сопротивления, к которым прибегали священнослужители и прихожане для защиты своих прав.

Во второй главе рассматриваются события, связанные с изъятием церковных ценностей, противодействие канонического духовенства обновленчеству и последствия этих действий для религиозной общины. Также глава освещает эволюцию обновленческого движения и его развертывание в городе.

В третьей главе исследуется антирелигиозная пропаганда, проводимая в Петрограде-Ленинграде. Анализируются способы поддержания властями атеистического движения, его успехи и неудачи. Также, изучаются становление и деятельность Союза безбожников, его структура, проводимые им мероприятия, и методы привлечения новых адептов.

Структура работы. Данная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Объем выполненной работы: 64 страницы.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Административно-репрессивное направление церковной политики Советской власти.....	15
1.1 Практическая реализация Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. в Петрограде-Ленинграде.....	15
1.2 Начало закрытия церквей и монастырей.....	24
Глава 2 Обновленческий раскол Русской православной церкви в Петрограде-Ленинграде.....	28
2.1 Кампания по изъятию церковных ценностей – начало церковного раскола Русской православной церкви.....	28
2.2 Становление и развитие обновленческого движения.....	38
Глава 3 Антирелигиозная агитация и пропаганда в Петрограде-Ленинграде.....	46
3.1 Формы и методы антирелигиозной агитации и пропаганды.....	46
3.2 Деятельность Союза безбожников.....	48
Заключение.....	55
Список используемой литературы и используемых источников.....	57

Введение

Православие занимает ключевое место в культурной и социальной жизни современной России, что подтверждается данными опроса, проведенного ВЦИОМ в июле 2023 года в честь годовщины Крещения Руси. Согласно результатам, более половины опрошенных (57%) идентифицируют себя как приверженцы православного христианства [72].

Присутствие значительного числа православных верующих в современном российском обществе отчасти обусловлено взаимоотношениями советской власти и Церкви, сложившимися на предыдущих исторических этапах развития нашей страны. Это указывает на то, что духовные ценности традиционно играли и продолжают играть весомую роль в общественной жизни страны, успешно интегрируясь в нее даже в периоды, когда официальная идеология государства носила материалистический характер.

Глубокое изучение религиозной жизни общества на протяжении различных исторических периодов имеет колоссальное значение. Оно позволяет не только лучше понять динамику взаимоотношений между властью, церковью и народом, но и способствует разработке эффективных подходов к государственно-церковной политике. Также это знание помогает выявлять и анализировать ошибки прошлого, предотвращая их повторение в будущем.

В исследуемый в работе исторический период начались беспрецедентные гонения на церковь: происходило разрушение храмов, конфискация церковных ценностей, активно внедрялась атеистическая пропаганда и формировалось новое мировоззрение среди советских граждан. Одновременно осуществлялась целенаправленная антирелигиозная кампания на государственном уровне.

Исследуемый период стал определяющим в разработке стратегии советской власти по ограничению влияния религии на общество. Никогда

прежде ни одно государство не предпринимало столь масштабных и системных действий для сдерживания религиозного влияния.

Это время характеризуется формированием мировоззрения нового советского человека, однако влияние Церкви оставалось значительным. Именно в этот период происходила напряженная борьба между властью и церковью, которая велась на равных условиях: государство использовало механизмы принуждения, в то время как Церковь пользовалась неизменной народной поддержкой и симпатией. Такие условия затрудняли укрепление авторитета молодого советского режима. Несмотря на поддержку новых властей большим числом граждан, многие из них сохраняли свою веру [27, с. 28-62]. Изучение такого сложного взаимодействия между властью, церковью и обществом в контексте социальной политики того времени представляет особый научный интерес.

Актуальность темы исследования обусловлена новыми возможностями анализа ранее недоступных, засекреченных архивных документов. Материалы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга и Центральном государственном архиве историко-политических документов, открывают широкие перспективы для глубокого изучения взаимодействия государственной власти и Церкви в период с 1917 по 1929 годы в Петрограде-Ленинграде.

Петроград, будучи столицей России до марта 1918 года и одним из важнейших культурных центров, сыграл ведущую роль в разработке и реализации стратегии советской власти по ограничению влияния Церкви. В этом городе возникло Обновленческое движение, которое, однако, не смогло завоевать широкую поддержку населения. Усилия атеистических пропагандистов встретили равнодушие со стороны жителей Петрограда, что свидетельствует о низкой эффективности выбранных методов борьбы с религией. Таким образом, именно в Петрограде советская власть столкнулась с особыми трудностями в реализации своей антирелигиозной политики.

Объект исследования: взаимоотношения Русской православной церкви и государственной власти в Петрограде-Ленинграде в обозначенный период.

Предмет исследования: антицерковная политика советской власти в отношении Русской православной церкви в Петрограде-Ленинграде в исследуемый период.

Цель работы: комплексный анализ задач, стоявших перед советской властью в 1917–1929 гг., в контексте религиозной политики.

В соответствии с поставленной целью определены следующие задачи:

– изучить механизмы взаимодействия советской власти и Церкви с 1917 по 1929 годы;

– определить особенности реализации Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» на территории Петрограда и последовательность событий, связанных с внедрением Декрета;

– рассмотреть обстоятельства закрытия церквей и монастырей в государстве и непосредственно в Петрограде;

– исследовать хронологию и обстоятельства изъятия церковных ценностей на территории всего государства и в Петрограде в частности, проанализировать взаимосвязь между кампанией по изъятию ценностей и возникновением обновленческого движения;

– проследить особенности становления движения обновленцев, его развитие и противостояние с Церковью, приведшее к расколу РПЦ;

– рассмотреть методы ведения антирелигиозной пропаганды в Петрограде, выявить их особенности и действенность;

– изучить последовательность формирования Союза Безбожников, основные направления его деятельности в отношении религии и верующих на территории Ленинграда и дать характеристику реакции ленинградцев на пропаганду;

– комплексный анализ конкретных действий, предпринятых властями Петрограда для регулирования отношений с Церковью и верующими в период с 1917 по 1929 годы.

Территориальные рамки исследования: город Петроград, а с 26 января 1924 года – город Ленинград. До 12 марта 1918 г. город был столицей и одним из крупнейших культурных центров страны.

Хронологические рамки работы: с 1917 по 1929 годы.

Первая дата обусловлена революционными событиями октября 1917 года и началом советского периода и, соответственно, коренными изменениями религиозной политике.

Выбор второй даты основан на окончательном отказе от НЭПа и последовавшими резкими изменениями в политике государства в целом и в отношении Церкви в частности. Этот год также называют годом «Великого перелома» – именно в это время начинается форсированный переход к коллективизации и индустриализации.

Методология и методика исследования включает совокупность общенаучных и исторических методов и построена на следующих принципах:

– принцип историзма, который заключается в определении исторических процессов и событийного ряда. Также принцип историзма позволяет выстроить взаимосвязь между событиями и их последствиями;

– принцип научной объективности и достоверности, который обязывает изучать событие или материал разносторонне, а также отталкиваться от всестороннего анализа мнений и суждений и базы источников.

Также применены следующие методы:

– синхронный метод, предполагающий рассмотрение событий, происходивших одновременно на разных территориях. Таким образом становится возможным отслеживание похожего и различного в сопоставимых событиях на разных территориях;

– проблемно-хронологический метод дает возможность не отделять проблему от общих событий, а рассматривать ее как процесс, происходивший в определенном историческом контексте;

– статистический метод, применяемый для сбора и анализа данных.

Степень изученности проблемы. Историография вопроса определяет два периода:

- с 1917 года до второй половины 1980-х годов;
- со второй половины 1980-х годов до настоящего времени.

Историография периода 1917–1930 годов, как правило, фокусируется на анализе политики партии и государства по отношению к Русской православной церкви. Авторы этих лет стремились раскрыть суть декретов, а также интерпретировать взгляды классиков марксизма-ленинизма, среди которых выделяются работы В.Д. Бонч-Бруевича, Е.М. Ярославского, П.А. Красикова, Н.К. Крупской, А.В. Луначарского, И.И. Скворцова-Степанова [9] [43] [76]. Эти идеи также нашли отражение в исследованиях советских историков, включая С. Данилова, М.В. Горева, И.П. Брихничева, А.В. Лунина, Б.П. Кандидова [12] [19] [21] [32] [52]. В них основное внимание уделялось раскрытию классово-ролевой роли церкви и критике «церковной контрреволюции», особенно в период гражданской войны и кампаний по изъятию церковных ценностей.

Исследования 1920-х годов отличаются оправданием действий советской власти в отношении Церкви и ее противостояния с патриархом Тихоном. Публикации того времени были направлены на освещение реакционной деятельности священнослужителей и их отказа оказывать помощь голодающим, что также нашло отражение в работах сторонников обновленческого движения [15] [16] [83] [84].

Литература 1930-х годов, в свою очередь, характеризуется политической ориентированностью и отсутствием критического анализа событий, аналогично работам 1920-х годов [4] [17] [28]. В этих трудах представлены материалы, активно распространявшиеся по стране, и часто публиковавшиеся в таких изданиях, как «Революция и церковь», «Антирелигиозник», «Безбожник» [5] [7] [71].

Только после Великой Отечественной войны проблематика «околорелигиозных публикаций» начинает постепенно расширяться, но основные направления остаются неизменными [11] [36].

Наиболее примечательны в этом отношении труды Р.Ю. Плаксина, в которых отразились вопросы изъятия земель у монастырей, а также монастырского имущества в 1918-1923 годах [61] [62].

Проблема изъятия земель у монастырей раскрывается также в монографии В.Ф. Зыбковца [29]. В работе рассматривается процесс внедрения Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в 1917-1919 гг. В исследовании М.М. Персица выделяется отношение верующих к процессу отделения церкви от государства и школы от церкви [60].

В.А. Куроедов достаточно подробно описал изъятие церковных ценностей в первые годы существования Советской России. Он показал, как действовала власть и какой отклик получала эта деятельность от церкви [48]. В своем исследовании автор проводит всесторонний анализ нового законодательства, касающегося религиозных культов. В его работе детально рассматривается реализация принципа свободы совести в контексте трактовки этого понятия советскими властными структурами того периода.

Также обширные проблемы правового характера в отношении религиозных групп в Советском государстве освещаются в работах В.В. Клочкова, З.В. Калиничевой, М.П. Мчедлова, А.И. Барменкова и других авторов, опубликованных в 1980-е годы [8] [31] [37] [55].

В советский период появилась всего одна монография, которая непосредственно рассматривала историю обновленческого раскола Церкви. Это работа А.А. Шишкина, в которой возникновение обновленцев интерпретируется как попытка найти баланс в новых условиях, то есть приспособиться к новой социальной, экономической и политической жизни после социалистической революции [101].

В период с 1960 по 1980 годы изучение динамики отношений между государственной властью и Церковью получило значительное развитие. В ходе исследований были выявлены новые факты, которые существенно обогатили научное осмысление этой тематики. Кроме того, в академическую дискуссию были внесены ранее не использованные документы. Однако, несмотря на эти нововведения, общий методологический подход к анализу взаимоотношений между государством и церковью остался неизменным, продолжая следовать устоявшейся парадигме [59].

К концу 1980-х годов исследование проблемы взаимоотношений власти и церкви достигло нового качественного уровня благодаря доступу к ранее засекреченным архивным материалам. Это позволило исследователям более полно и объективно воссоздать картину событий изучаемого периода. Доступ к первоисточникам значительно углубил понимание динамики взаимоотношений между государственной властью и церковью на заре советской эпохи. Кроме того, переосмысление этих отношений было обусловлено изменениями в политическом строе и идеологии страны, что также оказало влияние на формирование новых подходов к анализу исторических процессов.

В конце 1980-х годов был отмечен всплеск публикаций, посвященных новейшей истории Русской православной церкви [2] [3] [34] [35] [40] [41] [42] [46] [58]. Среди них особое место занимали работы, охватывающие региональные аспекты проблемы отношений между государственной властью и Церковью. Использование названных работ дало возможность детально проследить динамику развития исследуемых отношений в советский период на различных территориях страны [25] [38] [56].

Вопрос отношений между Церковью и советской властью в Петрограде с 1917 по 1929 годы не был достаточно проработан. Так, М.В. Шкаровский рассматривал историю Петроградской епархии после становления Советского государства [102]. Опираясь на уникальные данные, полученные в архивах, Шкаровский смог продемонстрировать наиболее важные для

истории епархии аспекты и показать сложные годы гонений на религию. Также он руководил составлением справочников по истории православных храмов, монастырей и соборов Петрограда-Ленинграда в 1917-1945 годах [79] [99].

Процесс закрытия церквей и монастырей в Петрограде в 1919 году показан в труде В.В. Антонова и А.В. Кобака [6].

В работе И.Д. Савиновой можно найти информацию о приведении в действие Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Также в ней есть сведения о закрытии церквей и монастырей [75].

М.Ю. Хрусталева раскрывает в своей исследовательской работе вопрос развития обновленчества в государстве [86].

Исследование эволюции взаимоотношений между Церковью и советской властью в северо-западном регионе страны нашло отражение в ряде научных публикаций: Т.Н. Быковой; А.В. Филимонова; О.А. Кудрявцевой и С.А. Волковой; А.Н. Ефимова; К.М. Плоткина и А.В. Проскуриной [13, с. 59-61] [26, с. 22-25] [47, с. 5-9] [63, с. 303-307] [68, с. 193-199] [69, с. 37-41] [85, с. 244-267].

Изучение динамики отношений между церковью и советской властью в Петрограде шло более интенсивно по сравнению с другими регионами. В исследовательской литературе подробно рассмотрены такие аспекты, как закрытие церквей и монастырей в городе, а также освещены темы, связанные с обновленческим движением. Тем не менее, взаимодействие Церкви и государственной власти еще не исследовано достаточно полно и системно, что не позволяет воссоздать полную картину событий периода гонений на Русскую православную церковь с необходимой детализацией.

Источниковая база исследования состоит из комплекса опубликованных и неопубликованных документов.

Большая часть правительственных документов в начале советского периода публиковалась в «Собрании узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР», в том числе и документы,

относящиеся к церковному вопросу [78]. В конце 1950-х годов появилось научное издание «Декретов Советской власти» [10].

Постановления Коммунистической партии по вопросам религиозной политики нашли отражение в многотомном издании «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК» [39].

До начала 90-х годов XX века печатались исключительно нормативные акты, которые определяли положение Церкви. Позднее исследователям стали доступны документы, связанные с делом патриарха Тихона. Открытие ранее конфиденциальных материалов о развитии обновленческого движения предоставило уникальную возможность для переосмысления и глубокого анализа исторических событий, а также позволило в новом свете рассмотреть подходы государственной власти к церковной политике [64] [73] [74] [77].

В современном анализе политики государственной власти по отношению к Церкви в рассматриваемый период крайне важно учитывать обращения и указы патриарха Тихона, которые являются ключевыми документами для понимания данного исторического контекста. Все эти данные объединены в сборнике «Акты Святейшего Тихона...» [1]. Однако в этом сборнике мало материалов об антицерковной политике власти непосредственно в Петрограде, поэтому базой источников для настоящей работы стали преимущественно архивные документы.

Для написания работы использовались документы архивов:

- Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб);
- Центрального государственного архива историко-политических документов (ЦГА ИПД СПб);

Всего изучено 30 дел, сосредоточенных в двух фондах.

Использованные архивные документы можно разделить на следующие группы:

- Правительственные (постановления, циркуляры и инструкции центральных органов власти) и партийные акты (решения партийных съездов

и высших органов). Эти архивные материалы являются ключевыми для понимания государственной политики в отношении церковных вопросов. Среди них находятся документы, которые ранее имели статус «совершенно секретно» [93].

– Протоколы заседаний губисполкомов за 1917-1929 годы. Например, стенограммы, протоколы заседаний, резолюции, губернских съездов Советов (1919 - 1922, 1924, 1925, 1927 гг.) о работе губернского исполкома и его отделов [95, л. 23]. В этих документах отражены официальные решения о закрытии церквей, монастырей и часовен, а также фиксируются решения о прекращении договоров с религиозными общинами. Анализ данной группы архивных материалов позволяет точно установить временные рамки, в которые происходило закрытие определенных религиозных объектов.

В документах также содержатся обоснования, лежащие в основе решений о прекращении деятельности данных учреждений. Кроме того, в них присутствует информация о том, как власти рассматривали вопросы, связанные с дальнейшим использованием или продажей имущества, изъятого из закрываемых церквей.

– Информационные сводки ОГПУ. Эта категория источников зафиксировала общественное восприятие политики государства по отношению к церкви, в частности, в контексте изъятия церковных ценностей. В документах также находят отражение различные мнения относительно церковного раскола, возникшего в результате этих событий.

Информационные сводки являются ключевым источником для изучения развития Обновленческого движения, предоставляя статистические данные о численности приходов различных направлений. К этой же группе относится и обращение патриарха Тихона к духовенству и верующим Русской православной церкви от 15/28 февраля 1922 года, касающееся вопроса изъятия церковных ценностей [88, л. 6].

– Отчеты, протоколы заседаний Агитационно-пропагандистского отдела Северо-Западного бюро и губкомов партии, содержащие сведения о

формах и методах антирелигиозной агитации и пропаганды, о проведении антирелигиозных кампаний (например, Комсомольского Рождества и Пасхи), о деятельности Союза безбожников [89, л. 16].

– Заявления, ходатайства групп верующих в местные и центральные органы власти об открытии храмов, замене богослужебного имущества в период кампании по изъятию церковных ценностей и др.

– Акты, описи церковного имущества, которые составлялись при заключении договоров религиозных обществ с местными органами власти, а также в период кампании по изъятию церковных ценностей.

Научная новизна данной работы состоит в привлечении материалов периодической печати при комплексном изучение антирелигиозной политики периода 1917-1929 гг., а также во введении в научный оборот ряда новых источников.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Административно-репрессивное направление церковной политики советской власти

1.1 Практическая реализация Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. в Петрограде-Ленинграде

Освещая взаимодействие Русской православной церкви и государственной власти, необходимо представить этапы реализации Декрета, принятого 23 января 1918 года [22].

Принятие Декрета ознаменовало начало кардинальных изменений в отношениях между церковью и государством. Этот документ приобрел особое значение, став фундаментом для формирования взаимодействия между Русской православной церковью и государственной властью на заре советского периода.

Документ номинально дает возможность каждому члену общества самостоятельно решать, каких религиозных взглядов он будет придерживаться. Декрет стал главным нормативным актом, на основе которого в дальнейшем строилось взаимодействие между властями и Церковью.

В ходе реализации Декрета можно выделить три ключевых этапа:

Первый этап характеризуется началом гонений на Церковь. В это время советское руководство находилось в Петрограде, где и был подписан названный выше Декрет. С этого момента началось систематическое изъятие церковных ценностей и закрытие церковных учреждений.

Второй этап совпал с переездом высшего руководства в Москву и переносом столицы в марте 1918 года. В Петрограде, в отсутствие представителей высшей власти, контроль за соблюдением новых регламентов ослаб, что предоставило религиозному сообществу возможность укрепить свои позиции.

Третий этап начался в конце 1920 и продолжился до начала 1921 года, его кульминацией стало массовое изъятие церковных ценностей. В этот период активизировалась деятельность безбожников, прошел известный Петроградский процесс. К этому времени Декрет был практически полностью воплощен в жизнь.

Со стороны Церкви и паствы Декрет вызвал резко негативное отношение. В январе 1918 года митрополит Вениамин (Казанский) написал письмо с критикой, принятого документа [80]. В приходах проходили собрания, на которых говорили о Декрете. Основными мыслями, звучавшими на этих собраниях, были мысли о том, что для государства вопрос религиозности должен быть важен. Также велись обсуждения того, что религия не является частным делом каждого, говорилось о изначальной религиозности русского народа [102].

Было предпринято много разного рода действий, таких как:

- воззвания;
- крестные ходы;
- создание различных союзов верующих;
- поездки с проповедями священнослужителей, включая патриарха;
- жалобы и обращения в различные властные структуры [51, с. 71].

Эти действия вдохновляли верующих и поддерживали их стремление защитить свои религиозные убеждения. Ярким выражением несогласия с Декретом стали массовые крестные ходы, которые приняли широкие масштабы по всей стране [14]. Через эти публичные религиозные мероприятия люди демонстрировали свой протест против атеистической политики, проводимой государственными органами власти.

21 января 1918 года прошел крестный ход и в Петрограде. В нем приняли участие множество верующих, примерно двести процессий в ходе него соединились в одну, которая направилась от Лавры к Казанскому собору [102].

Такие крестные ходы становились актом поддержки Церкви обществом, но проводились они не на постоянной основе, а как ответное действие на создание какого-либо документа или принятие решения, направленных против церкви.

Увидев масштаб противодействия со стороны верующих по всей стране, большевики решили избрать другую тактику: сначала обезглавить Церковь, а потом задавить ее репрессиями. В ответ на это были организованы братства верующих. 19 января патриарх Тихон обратился к пастве с призывом создать союзы и братства для обороны Церкви. Его слова встретили отклик у прихожан, что привело к формированию множества подобных объединений. Среди них можно выделить Александро-Невское братство, за которым последовали Спасское, Захарьевское и многие другие.

В 1918 году в Петрограде образуется братство приходских советов [102]. Впоследствии оно стало обществом православных приходов Петрограда.

Количество братств стремительно росло. К 1920 году их насчитывалось более двадцати. Три из них стали наиболее яркими:

- Александро-Невское братство;
- Спасское братство;
- Захарьевское братство.

1 сентября 1919 года было издано «Положение о Петроградском совете религиозных объединений», который должен был «служить представительным органом для народных религиозных объединений... в их сношениях с правительством и его учреждениями» и информировать «о происходящих иногда на местах случаях нарушения свободы совести» [82, с. 31].

12 ноября 1920 года был зарегистрирован устав «Общества православных прихожан Петрограда» [90, л. 54]. В нем был похожий перечень функций.

Благодаря всем этим организациям и мероприятиям православным людям Петрограда удавалось на протяжении долгого времени отстаивать свои убеждения, защищать церковь и препятствовать реализации Декрета.

Отношение общества к религиозной политике советской власти также отражалось в письмах к В.И. Ленину, направленных в Смольный. Эти обращения можно разделить по группам.

Первая группа писем демонстрировала недовольство народа; во второй представлена довольно тактичная попытка навести власти на другой путь. Третья группа писем взывала к стыду: «Товарищи, опомнитесь, зачем вы губите русский народ. Ведь за это вы будете отвечать перед Богом» [94, л. 53]. Четвертая группа носит запугивающий характер, их авторы угрожают террором и губительными последствиями для советской власти: «Если власть допускает грабеж церквей, богохульство над православной святыней, то после этого какие вы правители России», «Вы... объявили войну Христу и его Церкви. Вы низвергли Царя земного, но вас низвергнет воинство Царя Небесного» [94, л. 190] [94, л. 272].

Эти письма отражают взгляды верующих на политику, реализуемую властями по отношению к Церкви.

Многие давали советы и предлагали пути выхода из сложившейся ситуации, другие же просто гневно выражали накопившиеся эмоции и грозили последствиями. Но факт остается фактом, люди выражали озабоченность по этому вопросу. Однако, можно сделать предположение, что они не верили в возможность того, что власть к ним прислушается [95, л. 58].

Неприятие гонений на церковь отразилось, в иносказательном виде, в литературе и фольклоре. Так, анонимный автор создал «Символ веры большевиков» [95, л. 39].

Проблема широко обсуждалась на страницах периодических изданий. По сведениям «Церковных ведомостей», только газеты большевистской направленности не комментировали религиозную политику Советской власти» [95, л. 1].

Переписка между Наркоматом юстиции (далее – НКЮ) Петрограда и восьмым отделом НКЮ дает ценные сведения о последствиях провозглашения Декрета [95, л. 4]. Этот отдел возглавлял П. Красинников; в обязанности отдела входило внедрение документа по всему государству.

Для ведения отчетности в Петроград время от времени направлялись представители из Москвы, специальные инструкторы. 29 сентября 1918 г. был представлен доклад юрисконсульта Н. Липкина-Копейщикова из Петрограда. В его обязанности входило изучение стадии внедрения в Петрограде Декрета.

В итоговый доклад были включены данные, указывающие на то, что в городе процесс реализации постановления властей о разделении церкви и государства находится на начальном этапе. Отсутствовало планирование каких-либо конкретных действий по реализации этого разделения, а также не были предоставлены соответствующие исполнительные инструкции от НКЮ [96, л. 22].

В докладе делался акцент на то, что большая часть советов депутатов не обладает пониманием содержания документа. Немаловажно и то, что они не знают, что к Декрету прилагалась еще и инструкция [96, л. 14]. Также юрисконсульт отмечал, что в Петрограде не было прекращено действие церковно-приходских школ, соответственно велось преподавание Слова Божьего [96, л. 34].

В докладе было указано, что в городе не учтено количество монастырей и подворий. В отношении Александро-Невской Лавры предпринимались действия по закрытию, но из-за возмущения верующих работа не была завершена [96, л. 53].

Следует отметить и деятельность бывшего Петроградского священника М. Галкина (Горева), который вскоре после Октябрьской революции стал одним из деятелей атеистической пропаганды, одним из авторов Декрета и инспектором восьмого отдела НКЮ. В июне 1918 года в своем докладе он отчитался примерно о таком же состоянии дел в Петрограде [18, с. 88-92].

Стоит сделать акцент на том, что доклад юрисконсульта Н. Липкина-Копейщикова был сделан на основе доклада Галкина и практически повторял его.

Галкин, изучив ситуацию в Петрограде, не обнаружил в Советах депутатов органов по приведению Декрета к реализации. Основными структурами, ведущими эту деятельность, были:

- культурно-просветительские;
- статистические;
- юридические отделы госорганов.

В своем докладе он затрагивал тему проведения богослужений, описывая их в критическом тоне. Особое внимание было уделено использованию иллюминации во время церковных обрядов для придания торжественности событию. Для создания эффекта пышности применялись электрические лампы. Над некоторыми храмами возвышались кресты, подсвечиваемые электричеством, а внутри помещений для создания особой атмосферы использовались паникадила, количество которых варьировалось от 200 до 500 огней [97, л. 29].

Галкин усмотрел ненормальность в таком проведении служений. Он заявил о необходимости издания специального указа, запрещающего использование электричества для иллюминации [97, л. 26].

После появления перечисленных документов и было решено принять «Обязательное постановление Совета Коммун Северной области» 2 декабря 1918 года [97, л. 87]. Это постановление продолжило политику реализации Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. На нем стоит подпись Г. Зиновьева и С. Пилсровского.

Документ предписывает проведение церквями описи их богослужебной утвари. Составленные списки предназначались для охранного отдела комиссариата юстиции. Также определялся срок в 14 дней для обозначения в госорганах размера капитала, находящегося в распоряжении вероисповедных обществ.

К немедленной передаче советам на местах подлежали дома, земли и угодья. За ходом передачи велся усиленный контроль. Метрические книги церкви обязаны были передать: «беловой вариант» – в комиссариат юстиции; «черновой вариант» – в нотариальные отделы. В эти книги вносились данные о рождении. Если граждане отказывались от этой процедуры, то их лишали продовольственных карточек.

В государственные документы информацию о проводимых религиозных ритуалах не вносили [97, л. 54]. В первоначальном варианте Постановления церковные ритуалы предполагалось проводить только после регистрации актов властями. Это касалось следующих таинств:

- крещение;
- венчание;
- отпевание.

Восьмой отдел НКЮ ознакомился с постановлением. Оно было признано пригодным по всем вопросам, кроме пункта, обязывающего Церковь для проведения ритуалов обращаться за разрешением к светской власти. Отмечалось, что это не приводит к воплощению в жизнь основополагающей идеи об отделении церкви от государства.

Только в тот момент деятельность по противодействию религии в Петрограде начала сдвигаться с места. 26 февраля 1919 года было принято постановление межрайонного совещания депутатов совдепов. В этом постановлении уже говорилось не только об обязательной передаче церквями метрических книг, но и о передаче богослужебного имущества.

27 марта 1919 года в Смольном было проведено очередное совещание о реализации Декрета в Петрограде. В ходе совещания представители НКЮ заявили о том, что работа не ведется, а, наоборот, началось движение в сторону сближения местной власти с верующими. Примером такого сближения стало открытие для служб домовый церкви бывшего Сената во 2-м городском районе (эту церковь закрыли примерно годом ранее).

В других районах города дела обстояли немногим лучше, нормативно-правовые акты реализовывались не в соответствии с их указаниями. Например, вместе с метрическими книгами изымались и печати, на которых было изображение храмов и крестов [93, л. 7]. Это было признано излишним.

31 марта 1919 года вышел новый отчет Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов. В нем также говорилось о плохом состоянии дел по реализации Декрета. Отмечалась халатность местных районных Советов в отношении возложенных на них обязательств по приведению документа в действие.

Руководство районов в свою очередь все задержки связывало с нехваткой людей. С. Пилявский, руководитель юстиции Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов, высказал мнение, что для эффективного решения вопроса необходимо ввести должности «инструкторов-исполнителей по церковным делам», количество которых должно составлять восемь человек. Заработная плата этих специалистов предполагалась на уровне 18-го разряда, что означало месячный доход в размере 1716 рублей [94, л. 8]. Ввиду этих обстоятельств Петроградские власти ходатайствовали перед НКЮ о выделении фондов. После продолжительного рассмотрения дела в Москве приняли положительное решение.

9 августа 1919 г. в Смольном проходило очередное совещание по вопросам отделения церкви от государства. Председателем этого совещания был Р.А. Таттенборн. Рассматривались вопросы:

- о создании «двадцаток» при храмах;
- о классовом составе «двадцаток»;
- о собраниях «двадцаток»;
- о выборе исполнительного органа.

Проведение собраний предполагалось раз в месяц. Для работы собрания необходимо было предупредить совет депутатов и разместить объявление на стене храма. Собрание протоколировалось. Копии обязали

предоставлять в совет депутатов и в комиссариат юстиции. Властями поощрялось задействие на собрании большого числа верующих. Отмечалось, что необходимо привлекать бедные слои населения для участия в собраниях.

Работа по закрытию обычных церквей имела понятный алгоритм действий. Трудности возникали при закрытии домовых церквей. Государственная власть приняла решение о необходимости их закрытия без промедления. Но в процессе случались сложности, так как некоторые случаи не могли в полной мере быть исполнены в соответствии с имеющимся законодательством [94, л. 7].

Примером могут выступать церкви, расположенные при больницах: отсутствовали четкие регламенты их закрытия. Верующие обращались в органы, приводя в качестве аргумента тот факт, что болеющие граждане не имеют возможности посетить церкви, находящиеся за пределами больницы. В данном случае городские власти шли на уступки верующим. В рамках этих послаблений производился перевод больничных церквей в статус приходских при условии расположения в отдельном здании.

Церкви же при богадельнях предлагалось сохранить при условии, что учреждения смогут содержать их для своих пациентов, но местный 8-ой отдел НКЮ не согласовал последнее решение, считая, что помещение церкви должно быть обособленным.

Такого рода активная позиция верующих и содействия им властей Петрограда стала сильно волновать безбожников из Москвы. В Петроград с новой проверкой был отправлен М. Галкин. Исследовав ситуацию, он сделал очередной неутешительный вывод о состоянии дел в реализации Декрета и 23 июня 1920 г. направил срочную телеграмму в Москву. Телеграмма предназначалась руководителю восьмого отдела П. Красикову. В ней Галкин высказывал мнение о том, что дело по отделению церкви от государства провалено.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в первые годы советской власти реализация Декрета в Петрограде проходила в сложной обстановке, в том числе и по причине противодействия со стороны верующих.

1.2 Начало закрытия церквей и монастырей

При рассмотрении взаимодействия Русской православной церкви и советской власти необходимо обратить внимание на вопрос закрытия церквей и монастырей в этот период.

Власть использовала разные способы воздействия на Церковь, из не репрессивных следует отметить просветительскую деятельность. Однако в течение первых лет после Октябрьской революции основным инструментом выступали именно репрессии, такие как:

- закрытие храмов;
- запрет колокольного звона;
- гонения на священнослужителей и верующих [33].

Создавались нормативно-правовые партийные документы, в которых отмечалась важность борьбы с церковью – это являлось частью политики властей [98, с. 306].

Одним из основных документов проводимой антицерковной политики был Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Инструкция Народного комиссариата юстиции «О проведении декрета в жизнь» выступала в качестве документа, дополняющего Декрет. Этот документ приняли в августе 1918 г.

Первые акты советской власти были направлены на ограничение обрядовой части богослужений [97, л. 18]. Деятельность по ограничению обрядов проявилась в первую очередь в ликвидации мощей святых, начавшейся в 1918 году.

Первым показательным случаем стало вскрытие мощей, хранившихся в Александро-Свирском монастыре. Через два года, в 1920 году, в законную силу вступило постановление СНК «О ликвидации мощей во Всероссийском масштабе» [78]. Согласно этому постановлению, исполнительные комитеты на местах обязаны были принять на себя ответственность за ликвидацию мощей. Действия в рамках этого направления должны были осуществляться систематично и организованно. Категорически не допускались любые полумеры и нерешительность в ходе выполнения данного распоряжения.

Как говорилось выше, в первую очередь закрывали придомовые храмы. Но также эти действия коснулись храмов: при учебных заведениях, при правительственных учреждениях, при государственных учреждениях, таких как тюрьмы и больницы, а также в бывших помещичьих усадьбах. Одними из первых закрыли воинские храмы [99, с. 31].

В рамках проводимой политики к середине 20-х годов XX века в Петрограде были ликвидированы домовые храмы. Приходские храмы еще функционировали, но власти также проводили мероприятия, направленные на их закрытие.

Некоторые церкви имели значение в качестве исторических памятников. Во время проводимых закрытий их передавали музеям.

Следует отметить также административное направление действий властей. Велась активная регистрация религиозных обществ, находившаяся в ведении отдела губисполкома. Зарегистрированные общества были обязаны: проводить ремонтные работы в зданиях, вносить арендные платежи, вносить плату за страхование, платить налоговые сборы [99, с. 92].

Однако для религиозных обществ выполнение данных статей было достаточно сложным, в первую очередь, из-за высокой налоговой нагрузки. Соответственно, ремонтировать здания церквей не представлялось возможным. И, таким образом, основываясь на невыполнении обязательств

по договору, общества ликвидировались государством по формальным причинам.

Для проведения крестного хода обязательным условием становилось получение разрешения у властей на местном уровне. То же самое происходило и в случае собраний, на которых велись обсуждения дел, связанных с церковью. Существовал регламент действий религиозных обществ, вся деятельность которых была подконтрольна власти на местах. По перечисленным обстоятельствам были утеряны многие религиозные традиции.

В ленинградский период закрытие церквей проходило более активно. В 1917 году действовало 498 церкви, в 1927 году их было на 281 меньше, причем закрытия распространились не только на православные храмы [99, с. 5]. Вместе с ними закрывали и храмы, в которых проводили обряды представители других религий [99, л. 18].

Активная борьба советской власти с церквями исходила из коммунистической идеологии. Было мнение, что именно в храмах и монастырях продолжает существовать инакомыслие, верующие представлялись как союзники самодержавия и реставрации бывшего строя.

Советская власть создавала акты для планомерного изъятия монастырского имущества, которое могло использоваться для получения дохода. К ним относились: земельные наделы, производственные здания; финансовые средства и другие. По факту же происходило разграбление монастырей, и в ответ на это братии стали создавать трудовые артели и коммуны в соответствии с советским законодательством. Начало этому процессу в Петрограде было положено в 1918 году.

30 октября 1919 года появился циркуляр, налагавший запрет на регистрацию религиозных организаций в виде хозяйственных, также запрещалось регистрировать их и в виде производственных объединений.

Стоит отметить, что вопрос закрытия монастырей на законодательном уровне не был подкреплён документами. Таким образом, деятельность в

отношении какого-либо монастыря велась на уровне решений, принятых местными властями.

Довольно часто здания бывших церквей и монастырей использовали в качестве общественных помещений. В процессе эксплуатации здания за ним не велось необходимого ухода и терялось культовое значение сооружения [99, с. 32].

Для того, чтобы закрыть тот или иной монастырь или церковь в 20-е годы XX века часто прибегали к обвинениям монахов и священнослужителей. Основными обвинениями были контрреволюционная агитация или агитация против советской власти. Еще одним поводом для закрытия выступали обвинения в эксплуатации населения со стороны монашества и духовенства [99, с. 32].

Особо значимым обстоятельством является то, что не обеспечивалась сохранность ценностей, принадлежавших церквям и монастырям. Часто культурно значимые произведения подвергались уничтожению, что привело к безвозвратной потере памятников, могущих обогатить культурное наследие России.

Таким образом, можно заключить, что после революции основным методом взаимодействия между Церковью и властью стала административно-репрессивная политика, которая доминировала в первое десятилетие постреволюционного периода. Власти активно вмешивались в церковные дела в комплексе с массовым закрытием монастырей и церквей. Их закрытие стало серьезным шагом в политике, проводимой советской властью против Церкви. Эти действия выступили еще одним фактором, который определил дальнейшее развитие событий. Всё это подтолкнуло к расколу Церкви.

Поскольку в государстве роль Церкви была значительной, необходимость разрушения связи между ней и народом была основополагающей задачей, стоящей перед новой властью в рассматриваемый период.

Глава 2 Обновленческий раскол Русской православной церкви в Петрограде-Ленинграде

2.1 Кампания по изъятию церковных ценностей - начало церковного раскола Русской православной церкви

Причиной кампании по изъятию церковных ценностей послужил голод в Поволжье. На первые же сообщения о нем откликнулась РПЦ, в том числе и Петроградская епархия, одна из важнейших в государстве на тот момент [89, л. 6].

Создавались епархиальные и всецерковные комитеты по оказанию помощи пострадавшим от голода. Они появились еще в августе 1921 года, но по решению властей их закрыли и изъяли собранные средства.

23 февраля 1922 года был издан Декрет ВЦИК о немедленной конфискации местными советами всех драгоценных предметов, «изъятие коих не может существенным образом затронуть интересы самого культа». Данный документ для священнослужителей и прихожан стал неожиданным, поскольку Декрет об отделении церкви от государства передавал церковные ценности священнослужителям и верующим по договорам безвозмездного пользования, которые, в общем, не нарушались. Данный же Декрет был направлен непосредственно против церкви [91, л. 6].

Анализируя кампанию по изъятию церковных ценностей, следует особо подчеркнуть уникальность ситуации в Петрограде. Именно в петроградских храмах хранились особо значимые реликвии, на изъятие которых советская власть нацелилась с особым рвением. Действия властей были сфокусированы на конфискации тех святынь, которые пользовались особым почитанием среди верующих. 28 февраля патриарх Тихон обратился к властям с посланием, в котором осудил применение силы при изъятии ценностей, назвав это действие святотатством. В то же время он призвал

верующих не сопротивляться отдаче реликвий, но при этом предложил делиться другими ценными предметами [88, л. 25].

Митрополит Вениамин (Казанский) вел сдержанную политику, основываясь на послании патриарха [88, л. 6]. После того, как он представил свои требования относительно исполнения Декрета властям, начался диалог с руководством города. К 5 марта были достигнуты первые результаты. Было заключено соглашение о добровольной передаче ценностей прихожанами, но в итоге оно не претворилось в жизнь по причине противоречий его наполнения с той политикой, которую проводила власть в отношении церкви.

Митрополит Вениамин направил к властям церковных представителей. Их задачей было уточнение деталей соглашения. Однако ответом на их вопросы был отказ в совместном контроле над процессом изъятия ценностей церкви. Также было заявлено о сохранении правил изъятия ценностей, которые были ранее представлены властями [80].

Реакция митрополита был жесткой. 12 марта он написал заявление в губисполком. В заявлении было сделано предположение о неполном использовании святынь для помощи голодающим и говорилось о крайности принимаемых мер [24]. Вениамин настаивал на том, что благословение патриарха на изъятие святынь является обязательным и писал о важности некоторой самостоятельности Церкви в вопросе, связанном с жертвованием ценностей.

Заявления митрополита власти города восприняли отрицательно. 14 марта было принято решение определить комиссии по изъятию церковных ценностей конкретные сроки, в которые требовалось начать изъятие. Срок исчислялся неделями. Во главе мероприятия встал И. Бакаев [90, л. 22]. 15 марта у Казанского собора были оглашены новости о шуйской трагедии¹. Этот шаг был сделан с согласия митрополита. Тогда же огласили послание патриарха с предостережением от повторения подобных ситуаций.

¹ Шуйское дело – столкновение между верующими Шуйского уезда Иваново-Вознесенской губернии, выступившими против кампании по изъятию церковных ценностей, и силами властей. Произошло 15 марта 1922 года на площади перед Воскресенским собором города Шуя.

Это обострило противостояние власти и верующих. На следующий день произошли стычки верующих с представителями власти на Сенной площади Петрограда. После этого в Москву была отправлена телеграмма с просьбой к Троцкому о санкционировании расстрелов [94, л. 59]. Однако Политбюро приняло решение в тот момент не прибегать к крайним мерам [64, с. 65].

К 24-25 марта столкновения в Петрограде почти сошли на нет. Причиной этого послужила публикация в газетах воззвания 12 священников. Эти представители церкви были максимально лояльны к властям [44] [45]. Именно данное обращение стало первым письменным свидетельством о расколе церкви.

Авторы обвиняли некоторых священнослужителей в контрреволюционной деятельности, противопоставляя себя им. Они также выражали свое возмущение по поводу политических манипуляций, включая использование голода в Поволжье, со стороны той части духовенства, которую они решительно критиковали в своем обращении. Но они отмечали, что если не применять насилие, то прихожане будут идти навстречу требованиям властей. Также они упоминали, что на это благословили главы Церкви [67, с. 45].

Эти священнослужители получили поддержку губкома партии. Они стали посредниками в вопросе возобновления диалога с митрополитом Вениамином. В ходе переговоров власти пошли на уступки церкви, о которых будет сказано ниже.

Однако в тот момент власти были не готовы дать возможность священнослужителям предоставлять помощь голодающим своими силами. Стоит отметить, что тот уровень уступок, которого добились в этот раз, был низким, но достигнутый результат был все же заметен и столкновения в городе прекратились.

В результате всех этих событий в Петрограде появилось две группы священнослужителей: первая представляла собой ядро обновленческого

движения, вторая получила название «Петроградская автокефалия». Они стали основателями организованного сопротивления обновленчеству.

6 апреля представители обновленцев В. Введенский и А. Боярский приняли участие в заседании в Смольном [24]. На заседании была принята резолюция, в которую входили такие пункты как:

- предоставление возможности верующим принимать участие в процессе изъятия ценностей через выборного представителя;
- решение создать открытую отчетность о перемещений ценностей [64, с. 23].

Эти решения вступали в силу лишь после того, как митрополит озвучит воззвание к верующим с просьбой не препятствовать исполнению декрета ВЦИК. Стоит отметить, что власти не исполнили часть обещаний.

Воззвание «К петроградской православной пастве» прозвучало 10 апреля посредством размещения в прессе [91, л. 36]. Данное воззвание митрополит согласовал с патриархом. Патриарх, в свою очередь, отправил такое же послание М. И. Калинину, занимавшему пост председателя ВЦИК. Но данное обращение не было обнародовано [80].

Таким образом, со стороны митрополита были предприняты все возможные меры по недопущению столкновений во время изъятия церковных ценностей. С его помощью масштабного кровопролития в Петрограде не случилось. Произошло всего 13 случаев противостояния при изъятии ценностей за два месяца, и среди них только один достаточно серьезный: «начальнику районной милиции выбили 18 зубов» [70, с. 559-573].

Именно прихожане, а не священнослужители чаще всего выступали инициаторами столкновений. Священнослужители не призывали мешать изъятию. Одним из примеров может служить случай в Путиловской церкви и Иоанновском монастыре [91, л. 36].

Таким образом, следует отметить, что в Петрограде исполнение декрета ВЦИК прошло более спокойно, чем во многих других городах страны (об этом отчитывался начальник петроградской милиции).

Однако 8 мая 1922 года президиум исполкома Петросовета принял решение о вскрытии мощей святого Александра Невского и конфискации его серебряной раки. Эти действия были направлены на ослабление влияния Церкви среди верующих [64, с. 20].

Саркофаг, в котором были мощи, был отправлен по частям в Эрмитаж. Сами мощи удалось сохранить, их оставили в алтаре собора Александро-Невской лавры благодаря усилиям митрополита и священнослужителей.

Изъятию подлежало серебро, которое поделили на части. Одна из них пошла на лом (например, барельефная облицовка стены). Существуют предположения, что малый серебряный саркофаг также стал ломом.

В тот период митрополит не обладал возможностью предотвратить эти действия. В результате, было утрачено значительное количество произведений искусства, представляющих большую ценность как культурное наследие.

В то же время проводили изъятие из Казанского собора, вследствие чего был уничтожен уникальный серебряный иконостас 1830-х годов по проекту архитектора К.А. Тона. Для его создания использовали русское церковное серебро. Донские казаки отбили его у французской армии в 1812 году, во время ее отступления. Однако теперь иконостас был переплавлен.

М.И. Калинин получил обращение от представителей петроградской интеллигенции с просьбой вмешаться в ситуацию для спасения иконостаса. Он откликнулся на этот призыв и 13 мая 1922 года отправил телеграмму председателю Петрогубисполкома с указанием о передаче скульптурных элементов собора в фонды Эрмитажа. Однако местные власти проигнорировали данное распоряжение.

И. Бакаев ускорил процесс. Иконостас был разобран за один день и отправлен на переработку. Из него были сделаны серебряные монеты Советского государства.

Настоятель собора протоирей Николай Чуков добился того, чтобы чудотворная Казанская икона осталась в храме. Однако оклад из золота был утерян [93, л. 36].

В целом, по городу было изъято:

– более 18 тонн серебра;

– более 50 килограммов золота [67, с. 65].

Эти события вновь вызвали волнения в уже, казалось бы, успокоившемся Петрограде. Конфликт между верующими и властями возобновился, но на этот раз в действиях власти прослеживалась целенаправленная стратегия, направленная на провоцирование раскола внутри церковной общины.

На фоне происходивших событий – изъятия церковных ценностей, воззвания двенадцати священников – усиливалась петроградская группа прогрессивного духовенства. Именно она стала орудием государства в обновленческом расколе церкви. Представители организации 8 мая прибыли в Москву, где провели переговоры с ГПУ. По результатам этих переговоров в отношении патриарха были сфабрикованы обвинения, и 19 мая он был помещен под домашний арест.

В этот же день открылось обновленческое Высшее церковное управление - ВЦУ. Деятельность обновленцев в Москве не могла не отразиться на Петрограде, откуда берут свое начало все обновленческие группы. Их работа привела также к судам над митрополитом Вениамином и его ближайшими соратниками [64, с. 24].

Этот масштабный судебный процесс над священнослужителями проводился в 1922 году в Петрограде и именовался Петроградским процессом.

Вениамин остался верным отстраненному от дел патриарху. Представители ВЦУ пытались найти общий язык с митрополитом и привлечь его на свою сторону. Ответ Вениамина был резким: «Нет! На это я не пойду!» [83, с. 11]. Он де-факто оставался верховным лицом церкви после отстранения от управления патриарха и митрополита Ярославского Агафангела.

Митрополит не признал удостоверение Александра Введенского, выданного ВЦУ. По нему Введенский выступал в качестве его полномочного члена. Формально оно не признавалось Вениамином в связи с тем, что на документе не было подписи патриарха.

28 мая митрополит Вениамин отлучил от Церкви петроградских священников А. Введенского, В. Красницкого и Е. Белкова, которые «без воли своего митрополита, отправившись в Москву, приняли там на себя высшее управление церковью» [83, с. 43]. ВЦУ, в свою очередь, уволило Вениамина. Также были выдвинуты обвинения в желании «продолжать и впредь вовлечение церкви в политическую контрреволюционную борьбу» [64, с. 45].

Но Введенскому и его окружению нужна была поддержка митрополита даже после «увольнения». Обновленцы не оставляли попыток объединиться и каким-то образом договориться с ним. Это было обусловлено достаточно сильным влиянием Вениамина на прихожан. Большое количество мирян ориентировалось на его мнение в вопросах обновленчества. Это мнение было отрицательным и непреклонным, что подрывало доверие к Введенскому и его сторонникам и тормозило процесс создания «революционной церкви» в Петрограде.

Введенский вместе с И. Бакаевым вновь навестили митрополита, поставив его перед сложным выбором: либо отозвать свое послание от 28 мая, либо столкнуться с началом судебного процесса. Митрополиту Вениамину было также сообщено, что судебное разбирательство затронет и его сторонников. Подразумевалось, что исход этого процесса может иметь

крайне серьезные последствия, вплоть до гибели как самого митрополита, так и его ближайших соратников [64, с. 67].

31 мая Вениамин был взят под стражу [54, с. 109]. В срочном порядке стал готовиться судебный процесс над большим количеством представителей духовенства [83, с. 16].

Прихожане старались отстоять Вениамина. Люди выходили на демонстрации, но их разгоняли с применением силы. Отдельные производства по несвязанным происшествиям были объединены в общее дело против митрополита. Все эти инциденты, послужившие основой для судебного процесса, происходили во время кампании по изъятию ценностей из церквей города [80]. Их представляли в виде умышленного подстрекательства преступным объединением, главой которого выступал именно митрополит Вениамин. 10 июня в помещении зала Государственной филармонии начался судебный процесс [83, с. 23].

12-13 июня состоялся допрос митрополита Вениамина, в ходе которого основные усилия следствия были направлены на выяснение того, кто стоял за формулировками заявлений и воззваний митрополита, а также кто занимался их редактированием. Главе Петроградской епархии недвусмысленно давалось понять, что для его спасения достаточно было бы указать на лиц, якобы ответственных за создание его обращений, или же отказаться от идей, выраженных в этих воззваниях и обращениях. Убийство священнослужителя не было целью следствия.

Вариант отречения от своих слов для властей был намного выгоднее: если митрополит откажется от них, то его влияние резко снизится, а милость со стороны власти будет полезна для развития «Живой Церкви».

Однако все пояснения со стороны Вениамина сводились к тому, что писал заявления он самостоятельно и отправлял он их тоже без чьей-либо помощи [64, с. 53]. Соответственно, судьба Вениамина была решена: 5 июля был вынесен приговор, в котором было указано следующее:

– десятерых участников процесса приговаривали к смертной казни через расстрел;

– большинству в качестве меры наказания было присуждено тюремное заключение;

– 22 человека, попавших под суд, оправдали.

Шестерых приговоренных к расстрелу помиловал ВЦИК. Оставшихся четверых расстреляли в ночь с 12 на 13 августа: митрополита Вениамина, архимандрита Сергия (Шеина), председателя правления Общества православных приходов Ю.П. Новицкого и юрисконсульта Александроневской Лавры И.М. Ковшарова [64, с. 10] [65] [66].

1922 год был наполнен судебными делами, связанными с сопротивлением изъятию ценностей из церквей. Насчитывается 250 процессов, большинство из них были сфабрикованы властями.

10 августа 1922 года декретом ВЦИК была введена внесудебная ссылка для духовенства, длившаяся 3 года. Всего за два года 1922 и 1923 по заявлению протопресвитера Михаила Польского были убиты 8100 священнослужителей и представителей монашества [94, л. 59].

Однако стоит подчеркнуть, что обновленческое движение не нашло поддержки среди верующих. Прихожане стремились оказать помощь тем священнослужителям, которые выступали против ВЦУ. Те члены духовенства, которые отказались следовать указаниям обновленцев, перешли к независимому, «автокефальному» управлению. В результате в Петрограде зародилась первая форма сопротивления обновленчеству, получившая название Петроградская автокефалия [94, л. 59].

Автокефалия в Петрограде была оформлена в августе 1922 года. Во главе нее были два представителя духовенства:

– наместник Александроневской Лавры епископ Петергофский Николай (Ярушевич);

– викарий епархии епископ Ямбургский Алексей (Симанский) – будущий Патриарх Алексей I.

Существовала она недолго, всего лишь до марта 1923 года. Даже в условиях, когда епископ Николай подвергался нападкам, и власти не признавали организацию в официальном порядке, священнослужителю удалось создать мощную и централизованную структуру.

Николай собирал верующих на богослужения. На этих службах он произносил слова, которые отзывались в сердцах прихожан. Он обращался к ним с призывом отстоять «истинное Православие» [94, л. 56].

За короткий промежуток времени число приходов в Петрограде, которые отказались от сотрудничества с обновленцами, увеличилось до 65. Движение стало массовым. Обновленцы не могли спокойно вести службы во многих храмах Петрограда [91, л. 59].

Епископ становился все влиятельнее среди прихожан. В соседних епархиях также стали признавать Николая Владыкой, например, в Олонецкой и Новгородской. Эти обстоятельства подтолкнули обновленцев заручиться прямой поддержкой властей, вследствие чего ГПУ уничтожило автокефалию в марте 1923 года.

Автокефалия в Петрограде стала важным для верующих органом. Именно она заняла место главной организации, которая противостояла обновленчеству в сложные для Русской православной церкви времена. В то время, когда не было каноничных органов церковного управления, автокефалия выступала вдохновителем для епархий в других регионах государства.

Еще одним значимым аспектом существования автокефалии является демонстрация ее способности к легальному функционированию в рамках Советского государства. Факт существования автокефалии создал путь, по которому в 1920-х годах стало двигаться руководство Московского Патриархата.

2.2 Становление и развитие обновленческого движения

Для российского общества рассматриваемый в работе период ознаменовался вопросом дальнейшего развития взаимоотношений Русской православной церкви и пришедшими к власти политическими силами. Вопрос стоял достаточно остро, так как религия пронизывала общественную жизнь и имела влияние на политическую составляющую государства.

Среди представителей духовенства и верующих существовала точка зрения, согласно которой синодальная система устарела; появилось понимание необходимости реформирования управления церковью. Эти проблемы накапливались в течении двух сотен лет и вопрос об их решении ставился еще до Октябрьской революции.

В 1905-1906 в Святейший Синод поступали отзывы от епархиальных архиереев, где содержались мнения о положении Церкви и важности ее изменения. Эти данные показывают, что вопрос реформирования среди священнослужителей стоял достаточно остро.

Ключевая идея заключалась в уменьшении зависимости Церкви от государства, предполагая их разделение. Многие священнослужители считали целесообразным восстановление патриаршества [55, с. 3].

Также предлагалось созвать собор для проведения реформ. В последующем подобные соборы должны были проводиться с определенной периодичностью.

Относительно состава поместных соборов существовали следующие мнения:

- шестеро архиереев выступили против присутствия приходского духовенства и мирян на соборах;
- двадцать три архиерея поддержали равенство голосов епископов, приходского духовенства и мирян;
- оставшиеся голоса были за присутствие белого духовенства и мирян во время проведения соборов.

Государство обладало огромной территорией, и поэтому большая часть архиереев выдвигала предложение деления церкви на округа. Высказывались предложения о восстановлении самостоятельности местных епископов, также епископов предлагали назначать пожизненно. Еще одна из идей – воссоздание автономии и самоуправления приходов.

Высказывалась мысль о важности повышения значимости Церкви в общественной жизни государства. Звучали заявления о том, что надо реформировать церковный суд. Среди архиереев росла обеспокоенность тем, что люди в большинстве своем не понимали богослужений [67, с. 6].

Исходя из вышеуказанного, стоит отметить, что иерархи рассматривали вариант литургических реформ. Также священнослужители находили важным просветительскую деятельность среди мирян в области богословия, но перевод богослужения на живой русский язык не получил одобрения у большого числа иерархов.

В марте 1905 года была создана записка, названная «Записка тридцати двух». К ней приложили руку неназванные петербургские священники, их объединение получило название «Союз церковного обновления». От этого движения было направлено несколько записок на имя митрополита Антония Петербургского [67, с. 21].

Протоиерей Владислав Цыпин высказывался об этих записках [92, л. 28]. Он выразил мнение о том, что именно эти люди стали основоположниками развития идей обновленчества в 1920-е годы [96, л. 5].

Как известно, еще в итоге февральской революции 1917 года российское общество получило небывалое количество свобод. Тогда же оно стало политизированным: в этот период постоянно появлялись различные союзы, группы, партии, и это явление коснулось и церкви. Обновленческие союзы становились радикальнее, чем это было до февраля 1917 года. В них появилась политическая направленность, отразившаяся в социалистических мировоззрениях [96, л. 5].

В этих условиях в Петрограде появился Всероссийский «Союз демократического духовенства и мирян». В нем приняли участие множество молодых столичных священников. Эти священнослужители имели социалистические взгляды, большинство обладали академическим образованием. Председателем стал А. Рождественский, а секретарем - А. Введенский.

Союз поддерживал политические взгляды социалистов-революционеров. Вдобавок к этому Союз хотел провести церковную реформу.

Самая активная позиция была у Введенского, Егорова и Боярского. Они вели агитацию на митингах, собраниях и других публичных мероприятиях [30, с. 43]. Стоит отметить, что эти священнослужители ратовали за участие церкви в политической жизни, даже совершались попытки создать партию христианско-социалистического толка. В их глазах социализм выступал как теория справедливости, способная урегулировать проблемы, долгое время остававшиеся без решения, включая социальную несправедливость и повышение качества жизни населения.

Они размещали статьи в популярно-богословском журнале «Церковно-общественный вестник» (в будущем он станет ключевым органом обновленчества) [30, с. 18].

В первую очередь на пленарных заседаниях совершались попытки ответить на существующие еще с 1905 года вопросы о реформировании церкви.

Соборные постановления 1917-1918 годов восстановили патриаршество.

В свете существовавших реалий Церковь провела изменения в своей системе управления, но стоит отметить, что все эти преобразования не выходили за канонические правила Церкви [30, с. 36].

Модернисты на Соборе были в меньшинстве и на принятие решений не повлияли. Прошедший Поместный собор стал моментом разделения идей старого дореволюционного обновления и нового обновленчества.

После Октябрьской революции самые яркие представители Всероссийского «Союза демократического духовенства и мирян» еще какое-то время продолжали свои публичные выступления, но организация уже не была действующей.

Отдельные священнослужители продолжали требовать дальнейшего реформирования Церкви. К ним присоединялись все новые и новые сторонники, появлялись целые модернистские группы, не согласные с решениями Поместного Собора.

В 1919 г. было создано течение «Религия в сочетании с жизнью», во главе которого встал священнослужитель Иван Егоров. Это течение действовало до 1927 года; отец Иван умер в 1920 году и в расколе не участвовал, а сама группа после его смерти отделилась от Православной Церкви [24, с. 65].

Александр Боярский образовал свое объединение. Местом, где оно начало существование, стало Колпино под Петроградом. Объединение получило название «Кружок друзей церковной реформации», но у отца Александра было большое влияние на паству еще со времен имперской России [24, с. 19].

В понимании Боярского необходимо было направить Церковь на привлечение в нее рабочего класса, также он считал важным проведение управленческих реформ. Еще в 1917 году он придерживался наиболее радикальных позиций. С Александром Введенским он познакомился до революции, и они стали близкими союзниками в своих идеях [24, с. 2].

В 1921 г. протоиерей Александр Введенский образовал «Петроградскую группу прогрессивного духовенства», в которой присутствовали сторонники его взглядов, то есть лояльные к властям и требующие реформ церкви священнослужители. К ним присоединился и

Владимир Красницкий. Через короткий промежуток времени он стал главой группы [88, л. 36].

Красницкий также отстаивал идею важности взаимодействия Церкви и государства. Он заявлял, что для функционирования Церкви необходима поддержка от властей. Вероятно, по этой причине данная группа в короткие сроки стала инструментом государства. Она соглашалась с позицией власти по большинству вопросов и помогала ей в проводимом курсе [88, л. 36].

Государство между тем желало укрепления зарождающегося обновленческого движения. Для этого совместно с ГПУ был разработан план.

В мае, после помещения под домашний арест патриарха, Владимир Красницкий прибыл в Ярославль, где провел переговоры с митрополитом Агафангелом (который, по сути, являлся заместителем патриарха) о присоединении к обновленцам. Фактически был выставлен ультиматум, в случае принятия которого митрополит соглашался на полную зависимость. Агафангел отказался от предложенных условий и собрался ехать в Москву, но власти запретили ему покидать Ярославль.

Также в мае состоялось встреча представителей обновленцев с патриархом Тихоном. В ходе этой встречи Введенский, Белков и Калиновский передали патриарху прошение, в котором просили благословить открытие канцелярии по управлению церковными делами, мотивируя это тем, что в сложившихся обстоятельствах, без заместителя патриарха (удерживаемого в Ярославле), Церкви необходимо управление, и канцелярия станет таковым.

По резолюции патриарха Введенский и священники Белков и Калиновский должны были принять и передать синодские дела после прибытия в Москву (адресатом указывался митрополит Агафангел), а также передать дела по Московской епархии (указывался епископ Клинский Иннокентий) [31, с. 65].

Однако на деле обновленцы использовали резолюцию для захвата власти. Получив дела, они объявили, что патриарх передал управление им. Для этого они вступили в сговор с епископом Верненским Леонидом. Также к ним присоединился епископ Антонин (Грановский). Вместе они сделали заявление о создании Высшего Церковного Управления.

19 мая 1922 г. патриарха Тихона отправили в Донской монастырь. Его заменило обновленческое ВЦУ, главой которого являлся епископ Антонин. Заместителями стали Введенский и Красницкий.

Членами ВЦУ стали:

- епископ Леонид;
- священник Калиновский;
- священник Белков;
- протоиерей Поликарпов.

Таким образом, возник и начал работу высший орган Русской Церкви. Каноничных оснований для его создания не имелось, но это не помешало ему возглавить Церковь [73, с. 9].

После произошедших событий обновленцы обратились ко всем епархиям. В обращении содержалось требование признать ВЦУ и выполнять указания, также присутствовало предложение о вступлении в «Живую Церковь».

Священнослужители Москвы показательно отказали ВЦУ в поддержке.

Эти события привели к тому, что Красницкий разработал стратегию по принуждению священнослужителей к сотрудничеству с обновленцами; впоследствии эта практика распространилась по территории всего государства.

Выглядело это следующим образом: Красницкий выступал на собрании священнослужителей с рассказом о каноничности создания ВЦУ. Также он говорил о структуре управления и излагал задачи, стоящие перед ВЦУ. Свои доводы он подкреплял документами, которые показывали приверженность канонам обновленческого органа власти [101, с. 13].

Следующим этапом становились прения, по результатам которых предлагалась резолюция. Как правило, наиболее ярые противники Красницкого в течении короткого промежутка времени после собрания подвергались арестам и высылались из Москвы [31, с. 65].

Стоит отметить, что Красницкий писал доносы на противников - об этом он открыто заявлял на собраниях, интерпретируя это как сообщение о контрреволюционной деятельности в органы власти.

Свою борьбу с инакомыслящими обновленцы выставляли как борьбу с церковной контрреволюцией. Все обновленческое движение было переплетено сотрудничеством с властями. Доносы политического характера стали неотъемлемой частью действий обновленцев [73, с. 6].

Действия Красницкого привели к тому, что в подчинении у патриарха осталось всего четыре московские церкви (до начала деятельности Красницкого ему подчинялось четыреста).

Для обновленцев было необходимо также завоевать позиции в Петрограде, так как Петроград продолжал быть церковной столицей. В нем численно преобладала церковная интеллигенция, благодаря чему он оставался центром православной жизни страны. Вдобавок он являлся колыбелью обновленческого движения. Впрочем, здесь следует отметить, что к обновленческому перевороту интеллигенция города относилась достаточно настороженно.

ВЦУ направило в Петроград Введенского и 25 мая он посетил митрополита Вениамина. При встрече Введенский показал священнослужителю удостоверение представителя ВЦУ. В документе стояла подпись епископа Леонида, Введенский также ссылался на резолюцию патриарха.

Митрополит отказался признавать удостоверение без подписи самого патриарха, также он отказался вести переговоры с ВЦУ. Митрополит Вениамин заявил, что в качестве высшей церковной власти признает только патриарха Тихона и Священный Синод.

28 мая 1922 г. Петроградский митрополит обратился с заявлением к верующим. В своем послании Вениамин выражал мнение, что отречение патриарха всего лишь слухи. Он просил подчиняться только митрополиту.

Вениамин был арестован на следующий же день [23]. Ему вменяли сопротивление изъятию церковных ценностей, но в действительности причина заключалась в неприятии обновленчества [101, с. 8].

Вместо Вениамина управлять Петроградской епархией стал епископ Ямбургский Алексей (Симанский). По словам А. Левитана, епископ Ямбургский сразу получил ультиматум, в котором требовалось восстановить в правах троих священников (тех, кого Вениамин ранее отлучил от Церкви) [101, с. 11].

Алексий взял время на размышление. 5 июня 1922 года он отозвал отлучение от церкви Введенского и его соратников, но обещание прекратить дело Вениамина не было сдержано. Напротив, дело достаточно активно набирало обороты, стало понятно, что Вениамину будет вынесен смертный приговор. В итоге митрополит был приговорен к казни, этот приговор был приведен в исполнение [73, с. 17]. Вследствие этих событий Петроградские обновленцы вернули свои права.

Из анализа произошедших событий становится ясно, что осуждение митрополита Вениамина было связано не столько с процессом изъятия церковных ценностей, сколько с его неприятием обновленцев.

Глава 3 Антирелигиозная агитация и пропаганда в Петрограде-Ленинграде

3.1 Формы и методы антирелигиозной агитации и пропаганды

Рассматривая данный временной отрезок в контексте взаимодействия Церкви и власти, нельзя обойти вниманием активность распространения агитации, направленной напрямую против религии.

Большевики занимались агитацией и пропагандой достаточно активно. Ей уделялось особое место в проводимой политике, агитацию считали одним из основных рычагов ведения революционной борьбы. Также считалось, что с помощью пропаганды возможно приблизить наступление социализма и коммунизма. Большевики видели в агитации действенный способ создания человека нового формата [20, с. 218].

Следует подчеркнуть, что антирелигиозная пропаганда занимала важную нишу в системе советской агитационной деятельности, охватывая своими масштабами все государство. Ее интенсивность была достаточно высокой с начала существования советской власти. Она велась совместно с другими применяющимися мерами в отношении Церкви.

Особенно активно в пропаганде поучаствовал так называемый «Союз воинствующих безбожников», появившийся в 1925 году [81, с.13]. С момента своего возникновения организация стала очень резко высказываться по отношению к Церкви и верующим. В своей риторике безбожники искажали историю церкви, не пренебрегали подстрекательством и прибегали к политическим доносам [90, л. 8].

Достаточно часто в своей деятельности «Союз» использовал форму окарикатуривания всего, что так или иначе было связано с Церковью [53]. Проводились шумные кампании и многие другие мероприятия.

В 1918 году начинается процесс по вскрытию мощей, нацеленный на показ «контрреволюционного» наполнения церковной деятельности.

кампания была развернута на территории всего государства. В Петроградской губернии провели вскрытие мощей Александра Невского в Александро-Невской Лавре, но даже при достаточно высоком уровне приложенных усилий люди не перестали почитать святыни [87] [90, л. 8].

Поначалу, сразу после революции, пропаганда и агитация носили достаточно мягкий характер. Они представляли собой диспуты, лекции и доклады, в которых власти старались разоблачить Церковь как проповедницу «контрреволюционности». Эти действия полностью укладывались в логику политической борьбы с церковью [20, с. 218].

Антирелигиозная агитация была направлена и на религиозные праздники - прежде всего она коснулась Рождества и Пасхи, поскольку эти праздники для прихожан были самыми важными. В своих действиях власть подразумевала, что по итогам кампании молодые люди перестанут посещать церковь и проводить церковные обряды [20, с. 218].

В тот момент, когда велись кампании против вышеупомянутых праздников, часто происходили нападки в сторону прихожан [89, л. 36]. Создавались выставки и музеи, призванные служить антирелигиозной пропаганде. Также пропаганда активно использовала в своей борьбе с Церковью печатные издания на местах.

Советские власти пытались заменить церковные обряды крещения, венчания и отпевания, вводя такие формы как

- «красные крестины»;
- «красные свадьбы»;
- гражданские похороны [103].

Подобными действиями государство пыталось перестроить сознание верующих на необходимый лад. Все это имело место и в Петрограде.

Важно отметить, что для реализации целей антирелигиозной пропаганды использовались различные методы, среди которых ключевую роль играло формирование кружков и «семинариев». Главной задачей этих учреждений была подготовка квалифицированных пропагандистов.

Выпускники имели навыки по проведению лекций и докладов. Такими действиями власть пыталась привлечь внимание большей часть населения к идеям атеизма. Эта система формировалась на протяжении первого десятилетия после революции.

Но даже использование всех этих методов не давало желаемого эффекта. В Петрограде в 1920-е годы уровень религиозности продолжал быть высоким. Около 70% населения состояло в тех или иных «религиозных обществах». Люди продолжали поддерживать священнослужителей и сохранять высокое доверие к Церкви [88, л. 58].

3.2 Деятельность Союза безбожников

Борьба государства против церкви носила характер повсеместной кампании, которую формировали и поддерживали как наиболее важный элемент политики советской власти. Сам В.И. Ленин создал то направление и отношение, которое в Советском государстве транслировали в массовое сознание: «Бороться с религией необходимо... и прежде всего в деревне, в этом большая сила и значение», – писал он [50, с. 327-328] [57, с. 189-197].

О необходимости искоренения религиозных предрассудков в умах населения высказывался П.А. Красников. Он подчеркивал важность проведения пропаганды, направленной против Церкви [100, с. 56].

В рамках государственной стратегии по искоренению религиозных убеждений были мобилизованы все доступные ресурсы, включая культурно-просветительские учреждения, которые также были вовлечены в общую агитационную кампанию. Стоит упомянуть слова наркома просвещения А.В. Луначарского: в своем заявлении он отмечал, что важная задача учителя - это антирелигиозная пропаганда, она наиболее важна в сельской местности. По утверждению Луначарского, религия – это темнота.

Однако для полного искоренении религиозности только работы в школе мало, именно поэтому необходимо было создавать структуры

социальной направленности. Основной целью таких организаций было бы ведение пропагандистской деятельности [73, с. 17].

В указанных обстоятельствах был сформирован «Союз воинствующих безбожников». Известные политические деятели того времени, в том числе И.И. Скворцов-Степанов, считали, что такая организация способствует приданию антирелигиозной агитации организованного характера и повышению ее системности [76].

Стоит отметить, что серьезных предпосылок для появления Союза безбожников не было. Начало 20-х годов XX века стало временем активного развития атеизма в Советском государстве, появлялись различные объединения и группы, в центре которых находились газета «Безбожник» и журнал «Безбожник у станка».

В 1921 году появляется воронежское непартийное общество атеистов. Данное событие принято считать точной начала деятельности движения безбожников [20, с. 208].

Как уже говорилось выше, для всего движения безбожников большое значение имела газета «Безбожник», которая издавалась с 1922 года [20, с. 21]. Она быстро собрала вокруг себя корреспондентов и интересующихся граждан, которые читали издание [96, л. 23].

Антирелигиозная комиссия ЦК видела интерес к данному направлению среди людей и посчитала уместным создание кружков атеистов. Так с сентября 1923 года начинают появляться атеистические кружки [96, л. 23]. В 1924 г. появилось «Общество друзей газеты «Безбожник» [73, с. 17].

Основная масса ячеек организации располагалась в городах. На селе они не получили высокой поддержки населения, и потому были малочисленны [31, с. 65].

Для осуществления атеистической пропаганды при РКП(б) была учреждена специальная комиссия. Эта комиссия разработала проект устава для Общества безбожников, датированный 1924 годом. Ведение антирелигиозной пропаганды стало основной задачей для членов данного

общества; наиболее важным было вести эффективную пропаганду в сельской местности - преимущественно, в форме лекций. Еще одной задачей было проведение личных бесед о религии с сельскими жителями. Необходимо было склонить каждого человека в сторону атеистических взглядов [96, л. 23].

Создание общества не привело к достижению ожидаемых результатов. Хотя целью было объединение всех атеистов страны в одну структуру, одновременно власти ожидали конкретных итогов от проводимой антирелигиозной деятельности.

19-26 апреля 1925 года состоялся первый съезд Общества. Среди посетителей были корреспонденты различных газет. Основной задачей этого съезда было сплотить представителей атеистического общества [96, л. 23]. На съезде были разрешены организационные вопросы Общества, в результате чего оно приобрело политические черты. Таким образом, сообщество атеистов трансформировалось в общественно-политическую организацию и стало неким посредником между проводимой антицерковной политикой государства и обществом.

Также в рамках проводимого съезда был утвержден Устав Союза, включавший в себя цель деятельности и организационную структуру Союза. Было решено, что контроль за деятельностью организации будет вестись из единого центра.

Основной целью организации являлась антирелигиозная борьба, причем не только с православным христианством - предполагалась работа по всем возможным видам религиозных верований. Инструментом должна была выступать пропаганда атеизма. Кроме того, проводились мероприятия, направленные на разоблачение так называемых классовых врагов, к которым относились представители духовенства. Другим направлением деятельности, направленным на достижение цели, было формирование быта, основанного на социалистических принципах [49].

Ф. Олещук, являвшийся членом Союза, выступал на съезде. Во время своего выступления он заявил, что «Союзу принадлежит руководящая роль в едином фронте антирелигиозной пропаганды». В состав Союза вошли:

- ячейки «Общества друзей газеты «Безбожник»;
- корреспонденты газеты «Безбожник»;
- разрозненные кружки атеистов.

Критериями для вступления в организацию выступали:

- отказ от религии;
- достижение возраста 18 лет;
- наличие у кандидата избирательного права;
- твердая позиция по антирелигиозной деятельности, то есть готовность вести пропаганду [68, с. 193-199].

Союз владел имуществом, получал ссуды, заключал договоры, поскольку был оформлен как юридическое лицо. Церковь в свою очередь была лишена этих возможностей, начиная с 1918 года.

На местах у организации были собственные губернские и уездные советы. Членов советов избирали ежегодно во время проведения конференций. Также создавались ревизионные комиссии. Низшей ступенью в иерархии выступали ячейки Союза [68, с. 193-199].

В Союзе должна была сформироваться четкая иерархия, подчиненная руководящему верху. При этом Союз безбожников, имея четкую структуру, оставался добровольной организацией. Основанный в 1925, он просуществовал вплоть до 1947 года [96, л. 23].

В 1925 году начал выходить ежемесячный научно-методический журнал «Антирелигиозник», ставший печатным органом Центрального Совета Союза безбожников СССР [20, с. 18].

Все меры, принятые для создания организованной структуры, были направлены на борьбу с Церковью и сокращение ее влияния в обществе. Существовало предположение, что формирование эффективной

системы пропаганды ускорит отход общества от религиозных убеждений [28, с. 54]. Предполагалось, что с появлением Союза в работу вовлекутся:

- партийные структуры;
- комсомольские структуры;
- культурно-просветительские структуры;
- большая часть населения [96, л. 23].

Во II съезде организации приняли участие 1200 делегатов из различных слоев населения. Основную часть участников составили служащие и студенты – 576 человек. Крестьянское население было представлено 108 делегатами, а рабочие - 265 представителями [28].

Съезд проходил в течении пяти дней с 11 по 15 июня 1929 года. В его рамках организация получила свое новое название - «Союз воинствующих безбожников» [28].

Также на съезде приняли новый устав – Устав СВБ СССР. Была создана новая детская организация Юных воинствующих безбожников (ЮВБ СССР).

В Северо-Западных регионах страны ячейки организации стали появляться с 1925 года. К 1927 г. в Псковской губернии насчитывалось:

- 11 уездных Советов Союза безбожников;
- два районных совета;
- 143 ячейки.

Они объединили в себе около 5000 членов [90, л. 2].

Число последователей безбожников оставалось невысоким. Оно не росло даже при проведении мероприятий по объединению в одно общество. Другим фактором, способствовавшим сокращению численности Союза, стало ликвидация уездных советов в процессе районирования, проведенном в 1927 году. Замедление формирования районных советов привело к ослаблению связей с центральным управлением, что, в свою очередь, вызвало распад структуры Союза на местах.

В Ленинграде долгое время Союз не мог развернуть масштабную деятельность; ставившиеся перед членами и ячейками задачи не исполнялись. Наиболее явной проблемой было отсутствие финансирования: членских взносов, которые были основным источником пополнения финансов, не хватало для активной деятельности [31, с. 65].

Помимо того на протяжении длительного времени ячейки организации не получали развития и не проводили деятельность организационного характера. Например, осенью и зимой руководство занималось созданием и организационными моментами ячеек Союза, помимо того силы шли на формирование антирелигиозных кружков и других структур. С наступлением лета работа в этом направлении прекращалась, а с началом новой осени заново начинали проводить деятельность ровно по тем же направлениям, что и в прошлом году [68, с. 193].

Не было и слаженности в действиях Союза. Не осуществлялся качественный учет членов Союза, никто не занимался выявлением и подразделением примкнувших к организации людей по социальному составу. В ходе пополнения состава организации членами партии и комсомола, сведения не передавались в парторганизации.

Имелась заметная нехватка ораторов - зачастую некому было вести публичные выступления, так как опыта у членов организации не было, а пропагандистская составляющая требовала большего числа умеющих вести агитацию членов общества для качественной работы.

Существенной проблемой для деятельности Союза в Ленинграде было то, что агитаторы имели также значительную нагрузку по иным направлениям партийной деятельности.

Все эти факторы вели к тому, что в городе не удавалось выстроить системную деятельность по антирелигиозной пропаганде.

Перечисленное указывает, что усилия в данном направлении не приносили желаемых результатов. Организация не имела признания среди людей – такие сведения содержались в отчете губсовета [92, л. 54].

Подводя итог, можно отметить, что в рассматриваемый период пропаганда советской власти в области противодействия религии не добилась значительных успехов.

К достижениям можно отнести выявление эффективных форм и методов проведения агитационной кампании. За эти годы удалось создать обширную сеть антирелигиозных кружков и «семинариев», которые служили базой для подготовки кадров, способных вести активную антирелигиозную агитацию. Однако, несмотря на привлечение к процессу наиболее квалифицированных пропагандистов, полностью склонить население к атеизму не удалось, что свидетельствовало о глубокой религиозной укорененности в обществе.

Главным достижением периода стало создание Союза Безбожников. Он непосредственно включился в активную агитационную деятельность всеми доступными на тот момент способами и смог сформировать систему внутри себя.

Заключение

Подводя итог работе, следует подчеркнуть, что в период с 1917 по 1929 годы действия советской власти в отношении Церкви в Петрограде можно классифицировать по трем главным направлениям:

- административно-репрессивному;
- политическому;
- идеологическому.

В начальный период после Октябрьской революции внимание было сосредоточено на административно-репрессивных мерах, целью которых стало формирование правовой базы для осуществления антицерковной политики. В рамках этих мер происходило ограничение политических и гражданских прав духовенства, конфискация земель, принадлежавших монастырям, закрытие церквей, а также изъятие церковных ценностей.

В Петрограде, в начальный период после революции, процесс формирования политики борьбы с Церковью развивался относительно медленно. На это оказывали влияние такие факторы, как высокий уровень религиозности местного населения и статус Петрограда как одного из ключевых культурных центров страны.

Политический аспект антицерковной политики проявился в государственной поддержке Обновленческого движения, что стало причиной возникновения искусственного раскола в церковной среде. Инициированная властями кампания по изъятию церковных ценностей послужила катализатором этого процесса, и результатом стал раскол среди верующих.

В контексте Петрограда особо следует выделить, что Обновленческое движение не нашло широкого отклика среди местного населения, и, таким образом, инициированная властями задача по изменению церковной структуры осталась невыполненной. Верующие Петрограда продолжали поддерживать Русскую Православную Церковь; значительное влияние на их позицию оказывал митрополит Вениамин с его решительным отказом

сотрудничать с ВЦУ. Ни глава Петроградской Церкви, ни прихожане не проявили желания сотрудничать с советскими властями в деле продвижения Обновленческого движения, несмотря на то, что народ был основной целью антирелигиозной пропаганды.

Анализируя эффективность агитационных и пропагандистских усилий в Петрограде в период с 1917 по 1929 годы, можно отметить, что они находили отклик лишь у ограниченного числа горожан. В большинстве случаев те, кто поддавался влиянию агитации, состояли в партии или были работниками государственных органов.

Несмотря на значительные усилия властей, направленные на изменение общественного отношения к Церкви и на применение разнообразных методов в борьбе с религиозными учреждениями, в указанный период эти действия не достигли ожидаемого эффекта. Большинство жителей Петрограда сохранили свою веру. От церковной жизни отошла лишь часть партийных активистов, к которым присоединилась некоторая часть интеллигенции и молодежи, активно вовлеченной в деятельность Союза безбожников.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти 1917-1943 гг. / под общ. ред. М. Е. Губонина. М., 1994.
2. Алексеев В. А. Иллюзии и догмы / В. А. Алексеев. М, 1991.
3. Алексеев В. А. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР / В. А. Алексеев. М, 1992.
4. Амосов Н. К. Октябрьская революция и церковь / Н. К. Амосов. М., 1939.
5. Антирелигиозник. 1926. № 8. С. 62-79.
6. Антонов В. В. Святые Санкт-Петербурга. Историко-церковная энциклопедия / В. В. Антонов, А. В. Кобак. Т. 1-3. СПб., 1996.
7. Бардилева Ю. П. Антирелигиозная пропаганда на европейском севере России по материалам журналов «Антирелигиозник» и «Безбожник» (1925–1941 гг.) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 3. СПб, 2011. С. 161-176.
8. Барменков А. И. Свобода совести в СССР / А. И. Барменков. М., 1986.
9. Бонч-Бруевич В. Д. «Живая церковь» и пролетариат / В. Д. Бонч-Бруевич. М., 1923.
10. Большая советская энциклопедия. 1-е изд. - Т. 17. - С. 463.
11. Бобровникова А. Мой опыт индивидуальной работы с верующими. Барнаул: Книж. изд-во, 1964.
12. Брехничев И. П. Патриарх Тихон и его церковь / И. П. Брехничев. М, 1923.
13. Быкова Т. И. Деятельность губернской и уездных комиссий по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих Поволжья / Т. И. Быкова // Земля Псковская, древняя и социалистическая. Псков, 1989.- С. 59-61.
14. Валентинов А.А. Черная книга (Штурм небес). Париж, 1925.

15. Введенский А. И. За что лишили сана бывшего патриарха Тихона / А. И. Введенский. М., 1923.
16. Введенский А. И. Церковь и революция / А. И. Введенский. Петроград, 1922.
17. Востоков Е. И. Церковники Исаакиевского собора в борьбе против народа / Е. И. Востоков. Л., 1940.
18. Гессен В.Ю. Культурная революция по-большевистски в Петрограде Ленинграде (октябрь 1917–1929) // Клио. 2014. № 4. С. 88-92; № 5.
19. Горев М. В. Голод и церковные ценности / М. В. Горев. М., 1922.
20. Губкин О. Русская Православная Церковь под игом богоборческой власти в период с 1917 по 1941 годы. СПб., 2006.
21. Данилов С. Черное воинство (Отделение церкви от государства) / С. Данилов. Самара, 1919.
22. Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах от 20 января (2 февраля) 1918 г. [Электронный ресурс]. URL <https://www.hist.msu.ru/ER/etext/DEKRET/religion.htm> (дата обращения: 24.04.2024).
23. «Дело» митрополита Вениамина (Петроград, 1922 г.). М., 1991.
24. Дроздова М.А. Обновленческий раскол Русской Православной Церкви на Северо-Западе России в 1920-е годы / М.А. Дроздова // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Архангельск. 2008. № 12.
25. Емельянов С. Н. Власть и церковь: эволюция государственной религиозной политики и институтов церковного управления в губерниях Центрального Черноземья 1917-1922. М., Курск, 2001.
26. Ефимов А. Н. Процесс закрытия церквей и обновленческое движение в Пскове в 1920-30 гг. // Псков. 2001. № 14. С. 22-25.

27. Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «Секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996. С. 28-62.
28. Зарин П. К. Политическая маскировка религиозных организаций / П. К. Зарин. М., 1934.
29. Зыбковец В. Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917-1921 гг.) / В. Ф. Зыбковец. М, 1975.
30. Иванова М. А. История взаимоотношений церкви и государства в 1917-1927 гг. по документам ГАПО / М.А. Иванова // Материалы первых архивных чтений 27-28 ноября 2006 г. Псков, 2007.
31. Калиничева З. В. Политика и религия / З. В. Калиничева. Л., 1984.
32. Кандидов, Б. П. Голод 1921 г. и церковь / Б. П. Кандидов. М., 1932.
33. Каплин П. В. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государственной власти в СССР в 1927-1938 гг.: на материалах Урала : дис. канд. ист. наук : 07.00.02. Екатеринбург, 2006. С. 209.
34. Кашеваров А. Н. Православная российская церковь и советское государство (1917-1922) / А. Н. Кашеваров М., 2005.
35. Кашеваров А. Н. Церковь и власть: Русская Православная Церковь в первые годы Советской власти / А. Н. Кашеваров. СПб., 1999.
36. Кашников М. Религия отстывает. Барнаул: Книж. изд-во, 1966.
37. Клочков В. В. Закон и религия (От государственной религии в России к свободе совести в СССР) / В. В. Клочков. М, 1982.
38. Коголь Т. Н. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государства в первое десятилетие Советской власти / Т. Н. Коголь Томск, 2005.
39. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М, 1983.
40. Крапивин М. Ю. Не придуманная церковная история: Власть и Церковь в Советской России (окт. 1917 - конец 1930-х гг.) / М. Ю. Крапивин. Волгоград, 1997.

41. Крапивин М. Ю. Противостояние: большевики и церковь (1917-1941 гг.) / М. Ю. Крапивин. Волгоград, 1993.
42. Крапивин М. Ю. Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917-конец 1930-х гг.) / М. Ю. Крапивин. СПб., 2003.
43. Красилов П. А. На церковном фронте (1918-1923) / П. А. Красилов. М., 1923.
44. Красная газета. 1922. 31 мая.
45. Красная газета. 1922. 9 июня.
46. Кривова Н. А. Власть и церковь в 1922 - 1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства / Н. А. Кривова. М., 1997.
47. Кудрявцева О. А. Е. М. Тихвинский и Псковский музей / О. А. Кудрявцева, С. А. Волкова // Труды Псковского музея - заповедника. Выпуск 1. Псков, 1994. С. 5-9.
48. Куроедов В. А. Религия и церковь в Советском государстве / В. А. Куроедов. М., 1981.
49. Левитин (Краснов) А. Защита веры в СССР. Рук. Париж, 1966.
50. Ленин В. И. Полное собр. соч. Т. 44. М. : Издво полит. лит-ры, 1982. С. 327-328.
51. Лобашев А. «Верою побеждали!...». Челябинск, 2007. С. 71.
52. Лунин А. В. Октябрьская революция и церковь / А. В. Лунин. М., 1925.
53. Митрохин Л. Баллада об атеистическом топоре // Религия и права человека: На пути к свободе совести. М.: Наука, 1996. Вып. 3.
54. Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918-1923 гг. М.: РУССО; 1990. С. 109.
55. Мчедлов М. П. Политика и религия / М. П. Мчедлов. М, 1987.
56. Нечаев М. Г. Церковь на Урале в период великих потрясений 1917-1922 гг. / М. Г. Нечаев. Пермь, 2004.

57. Новые документы В.И. Ленина // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 189-197.
58. Одинцов М. И. Государство и церковь (история взаимоотношений 1917-1938 гг.) / М. И. Одинцов. М, 1991.
59. О религии и церкви. М.: Политиздат, 1981.
60. Персиц М. М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР (1917-1919 гг.) / М. М. Персиц. М, 1958.
61. Плаксин Р. Ю. Крах церковной контрреволюции 1917-1923 гг. / Р.Ю. Плаксин. М., 1968.
62. Плаксин Р. Ю. Тихоновщина и ее крах. Позиция православной церкви в период Великой Октябрьской революции и гражданской войны / Р. Ю. Плаксин. Л., 1987.
63. Плоткин К. М. Начало обновленческого раскола в Псковской епархии (1922 - 1925 гг.) / К. М. Плоткин // Псковский политехнический институт. Труды. Выпуск 2. Псков, 1998. С. 303-307.
64. Политбюро и церковь. 1922 - 1925. Сборник документов / под ред. Н. Н. Покровского, С. Г. Петрова. Кн. 2. М., 1997.
65. Польский М. Новые мученики российские. Т. 1. Джорданвилл, 1949.
66. Польский М. Новые мученики российские. Т. 2. Джорданвилл, 1957.
67. Поспеловский Д. Русская православная церковь в XX в. М.: Республика, 1995.
68. Проскурина А. В. Деятельность союза воинствующих безбожников на Северо- Западе России в 1920-е гг. / А, В. Проскурина // Земля Псковская, древняя и современная. Псков, 2002. С. 193-199.
69. Проскурина А. В. Советская административно- репрессивная политика в отношении религии и церкви в начале 1920-х гг. / А. В. Проскурина // Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность. Псков, 2003. С. 37-41.

70. Публ М.В. Два эпизода борьбы с церковью в Петрограде / М.В. Публ // Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М. СПб., 1992. С. 559-573.

71. Революция и церковь Журнал Изд. Нар. ком. Юстиции Москва : Юрид. изд-во, 1919-1924.

72. Религия и общество: мониторинг / [Электронный ресурс] // ВЦИОМ НОВОСТИ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения: 24.04.2024).

73. Русская Православная Церковь в советское время (1917-1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью /сост. Герд Штриккер. Книга 1. М., 1995.

74. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и фотоматериалы / сост. А. М. Масальская [и др.]. М, 1996.

75. Савинова И. И. Лихолетье: Новгородская епархия и советская власть 1917 - 1991 гг. /И. И. Савинова. Новгород, 1998.

76. Скворцов - Степанов И. И. О «живой церкви» / И. И. Скворцов-Степанов. М, 1922.

77. Следственное дело Патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ / протоиерей Владимир Воробьев [и др.]. М., 2000.

78. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. М , 1917-1927.

79. Справочник по истории православных монастырей и соборов г. Санкт - Петербурга (1917-1945) / Н. Ю. Черепенина, М. В. Шкаровский. СПб., 1996.

80. Степанова И. Житие Петроградского митрополита // Вечерний Ленинград. 1990. 11 августа.

81. Стецовский Ю. И. История России, 1917 - 1940 : хрестоматия / сост. В. А. Мазур и др.; под ред. М. Е. Главацкого. Екатеринбург : Благотворит. фонд «Урал. лицей», 1993. С. 13.

82. Сырых В. М. История государства и права России: советский и современный период. М. : Юристъ, 1991. С. 31.
83. Титлинов Б. В. Новая церковь / Б. В. Титлинов. Петроград – М., 1923.
84. Титлинов Б. В. Смысл обновленческого движения в истории / Б. В. Титлинов. Самара, 1926.
85. Филимонов А. В. Псковские монастыри в первые послеоктябрьские годы / А. В. Филимонов // Псковский край. Культура, образование, история. Сборник статей по истории, образованию и культуре Псковской земли. Псков, 2000. С. 244-267.
86. Хрусталева М. Ю. Русская Православная Церковь в центре и на периферии в 1918-1930 гг. На материалах Новгородской епархии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Архангельск, 2004.
87. Худяков С. Важные вопросы научно-атеистической пропаганды // Коммунист. 1954. № 13.
88. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 1. Оп. 1. Д. 386.
89. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф.1. Оп. 1. Д. 435.
90. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 1. Оп. 4. Д. 257.
91. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 4. Оп. 33. Д. 1768.
92. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2116.
93. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 143. Оп. 1. Д. 108.
94. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 590. Оп. 2. Д. 68.

95. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 1000. Оп. 6. Д. 108.
96. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 1000. Оп. 81. Д. 6.
97. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7384. Оп. 33. Д. 238.
98. Цыпин В. А., прот. История Русской Православной Церкви, 1917-1990. М. : Хроника, 1994. С. 306.
99. Черепенина Н. Ю. Православные храмы Санкт-Петербурга (1917-1945) / Н. Ю. Черепенина, М. В. Шкаровский. СПб., 1999.
100. Шильдяшов И. Атеисты наступают. Барнаул: Книж. изд-во, 1961.
101. Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола русской православной церкви / А. А. Шишкин. - Казань, 1970.
102. Шкаровский М. В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат (1917 - 1945) / М. В. Шкаровский. СПб., 1995.
103. Яковлев А. Н. По мощам и елей. М., 1995.